

— Мазки кисти потрясают, а книга становится плачущими призраками и богами, — прозвучали невероятные слова от человека в белом, которые открыли перед юным Фан Чжун-Юном новый мир. Нежное лицо и глаза мальчика были полны жажды познания. Он крепко сжал маленькие кулачки, выражение лица стало слегка нервным, предчувствуя невероятное зрелище. — Отец Фан, заметив серьезный взгляд своего вундеркинда, тоже хмурился, никогда прежде не видя такого тоскливого взгляда в глазах Чжун-Юна. Взгляд отца пал на юношу в белом, и он не мог поверить, какие фокусы тот может вытворять в таком юном возрасте. — Иди сюда, — Ли Мин протянул руку. Черная кисть для письма вылетела из беседки и приземлилась в его руке. Один этот жест порастил отца Фана и Фан Чжун-Юна. — Ли Мин был полон величия, белый плащ медленно развеивался, словно бессмертный, — заметил отец Фан. — Чжун-Юн, будь оптимистичен. Те же стихи в твоих руках будут звучать иначе, чем в моих, — сказал Ли Мин. Он, получивший девять лет обязательного образования, теперь, в свои 46 лет, совершенствовал искусство бессмертия и практиковал Ци. Сочетание этих двух навыков позволяло ему легко "снизить размерность" отца Фана и Фан Чжун-Юна. Ли Мин, конечно, не знал, как писать стихи и книги, но был знаком с множеством величественных стихов и фраз. Даже если Фан Чжун-Юн знал их, это не имело значения, ведь главное - это эффект. — Те же стихи и фразы, но в разных руках, звучат по-разному, — пояснил Ли Мин, — это лучше подчеркивает, что я - святой. — Устойчивость образа святого зависит от того, насколько эффектно я его представлю, — продолжил он, — если эффект будет достаточно сильным, даже бессмертный может дрогнуть. — У меня есть уверенность в этом, — добавил Ли Мин. — Прочти стихотворение, которое ты только что сочинил, — сказал Ли Мин с бесстрастным лицом, — я хочу оживить твои стихи и показать тебе высшее состояние святого. Фан Чжун-Юн был немного озадачен, не понимая, зачем это нужно, но все же прочитал: — Берег полон персиковых цветов и бабочек, а небесные замки окутаны туманом и облаками. — Он увидел, как Ли Мин держит кисть. В ней явно не было чернил, но она писала в воздухе, словно была облита чернилами, — заметил отец Фан. — Перо опустилось, — продолжил он. — Шрифт медленно уносился ветром, и вскоре в воздухе возникла картина: на берегу реки расцвели персиковые цветы, разноцветные бабочки волнами кружились среди цветов, а впереди в воздухе парил замок, словно ты находишься в море тумана, — описал отец Фан. — Фан Чжун-Юн сглотнул слюну, его маленькие глаза были полны удивления. Неужели это и есть то царство святых, о котором говорил Ли Мин? — заметил отец Фан. — Отец Фан был еще больше поражен, ведь Фан Чжун-Юн только что произнес фразу, а Ли Мин уже начал писать. В тот же момент, когда перо коснулось воздуха, шрифт рассеялся, и появилась картина, — продолжил он. — Продолжай, — сказал Ли Мин, глядя на Фан Чжун-Юна. — С твоим пером что-то не так, — сказал отец Фан, не желая сдаваться. — Он протянул руку и взял перо из рук Ли Мина, чтобы проверить, но не увидел никаких чернил. Он попытался написать в воздухе, но ничего не появилось, — заметил отец Фан. — Перо - не самое главное, главное - тот, кто им владеет, — сказал Ли Мин, глядя на него. — Я, я... — отец Фан запнулся и замолчал, его сердце начало биться чаще. — Это и есть царство святого? — глаза Фан Чжун-Юна расширились. — То же самое, но в его руках, может только описать художественный образ, а в руках святого, он может вернуть его в виде картины, — заметил отец Фан. — Это далеко не все, настоящий святой... — Ли Мин взмахнул руками, его белый халат развеивался, черные волосы трепетали, и он прорычал: — Вода большой реки течет с небес. — Взмахнув обеими руками, он мгновенно изменил картину перед собой. Водопад вдали потек вспять, образуя большую реку прямо перед ним, — заметил отец Фан. — Настоящий святой... — Ли Мин продолжил, — Скалы пронзают воздух, волны разбиваются о берег, и тысячи куч снега вздымаются. — Как только голос Ли Мина стих, большая река перед ними перестала быть спокойной, в речной воде закружились камни, и волны постепенно загрохотали, словно дикий зверь ревел и катился без остановки, — заметил отец Фан. — Настоящий святой... — голос Ли Мина снова раздался. — Изначально было безоблачное голубое небо, но как только его голос стих, на небесах раздался гром, и вскоре на небе появились бесконечные черные тучи, — заметил отец Фан. — Темные тучи окутали небо и

землю, и порывы ветра свистели, словно желая озарить все вокруг, вдруг вспыхнул золотой свет, пронзающий небо, и небесные воины и небесные генералы находились в небе и на земле, словно охраняя врата рая, — продолжил он. — Настоящий святой... — Ли Мин снова заговорил. — Дапэн поднимается с одним и тем же ветром в один день и взлетает на 90 000 миль. — Отец Фан и Фан Чжун-Юн не оправились от шока, они увидели, как Ли Мин расставил руки и наклонился вперед, а затем ветер налетел, превратив его в Куньпэна, взмывающего в небо, — заметил отец Фан. — Большая птица, закрывшая небо и солнце, отбросила большую тень, и она взлетела между своими крыльями, пытаясь соперничать с небесным богом, — продолжил он. — Но в мгновение ока они не увидели, как Ли Мин превратился в большого пэна, а стоял перед ними, словно бог, его тело стало невероятно высоким, — заметил отец Фан. — Слово большая гора, отец Фан и Фан Чжун-Юн не могли дышать, — продолжил он. — Но он не остановился, — заметил отец Фан. — Настоящий святой... — Ли Мин продолжил, — Я буду смеяться над небом с горизонтального ножа и спасу два Куньлуна. — Его слова упали тяжело, и Фан Чжун-Юн и отец Фан сразу же увидели удивительную картину. Фигура Ли Мина стала невероятно высокой, сотни футов в высоту, он держал в руке топор и рубил по небу, — заметил отец Фан. — Слово бог, аура разрушения неба и земли постоянно извергалась, — продолжил он. — Настоящий святой... — Ли Мин снова заговорил. — Чамэн слышит лай собак и возвращается к человеку снежной ночью. — Как только слова Ли Мина прозвучали, мир снова резко изменился. Дул холодный ветер, шел снег. Фан Чжун-Юн и отец Фан выдыхали густой белый воздух, на бровях появился иней, — заметил отец Фан. — Они дрожали от холода, продолжали дышать и тереть руки, — продолжил он. — Неподалеку болотная собака дрожала от страха, постоянно рычала, виляла хвостом и скалила зубы, как раз в ответ на фразу "Чамэн слышит лай собаки", — заметил отец Фан. — Они еще не оправились от холода, как окружающая среда резко изменилась, и они услышали еще одно слово, — продолжил он. — Настоящий святой... — Ли Мин продолжил, — Я не вещь в пруду, и я превращусь в дракона, когда встречу ветер и облака. — Сразу же после этого раздался драконий рев "Ху-ху-ху...", и Ли Мин превратился в золотого дракона, — заметил отец Фан. — Дракон, — продолжил он. — Благоприятные существа - древние тотемы, и они являются высшим уровнем веры, где бы они ни были, — заметил отец Фан. — Отец Фан никогда не видел святого, но он знал, как выглядит дракон. Его ноги слегка ослабли. Внезапно взлетевший дракон помчался прямо перед ним, открыв пасть, словно собираясь его проглотить, — заметил отец Фан. — Он был так потрясен, что "бахнул" и прямо упал на колени, — продолжил он. — Но в этот момент он обнаружил, что дракона, спускающегося с небес на землю, нет, только молодой человек, повернувшийся к ним спиной, — заметил отец Фан. — Святой! — прошептал отец Фан. — Отец Фан дрожал всем телом, постоянно глотал слюну, был потрясен, его колени постепенно ослабли, он опустился на колени и потянул за собой вундеркинда Фан Чжун-Юна, который все еще стоял рядом с ним в оцепенении, — заметил отец Фан. — Фан Чжун-Юн пришел в себя и последовал за своим отцом, медленно опустившись на колени, — продолжил он. — Они встали на колени позади Ли Мина, — заметил отец Фан. — Они трижды поклонились и дрожащим голосом произнесли: — "Святой!"